

Более того, стоики утверждали, что сам человек состоит из материи и Логоса, того же Логоса, который пронизывает мироздание. Именно этот принцип рациональности человека позволяет ему воспринимать разумную цель и значение жизни.

В христианском понимании Логоса – в Новом Завете – он является не безличным рациональным принципом – это тот, кто сотворил Вселенную. Таким образом, Вселенная является выражением сознания нашего Творца. Но понятно, что Вселенная была создана задолго до нас и существовала независимо от нас. Познание человеком универсальных законов мироздания происходит после появления этих законов или, точнее, после понимания, что подобные законы наличествуют. Но именно эту логоцентрическую идею опровергает Деррида утверждением, что не существует значения до тех пор, пока люди не начинают говорить, вернее, писать. То есть именно слова, сказанные человеком, создают значение или значения. «Писать – это знать, что еще не явленное в букве не имеет иного обиталища, не ожидает нас как *предписание* в каком-нибудь *topos organios* или каком-либо *божественном разумении*. Смысл должен дожидаться, пока его выскажут и запишут, чтобы в себе поселиться и стать тем, чем, в отличие от себя, он является: смыслом»⁹. Подобным

утверждением Деррида не просто ломает, он крушит идею логоцентризма. Но тогда встает вполне разумный вопрос: а что он предлагает взамен? Бесконечность значений и смыслов, не имеющих центральной оси и исходящих из уст человека... Получается, сам человек отождествляется с логосом (но уже с малой буквы). Подобная установка характерна для эпохи постсовременности, но, тем не менее, логоцентризму постструктурализм не противопоставляет ничего и не предлагает путей преодоления этой традиции кроме попыток деконструктивной переинтерпретации.

Статья выполнена в рамках аналитической ведомственной программы «Развитие научного потенциала высшей школы (2009–2010 гг.)» (проект № 2.1.3/6499).

Примечания

- ¹ Деррида Ж. Вокруг вавилонских башен. СПб., 2002. С.12.
- ² Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М., 1977.
- ³ Фриуф В.А. Метаморфозы языка и времени в неокантианстве и философии имени // И. Кант, неокантианство и Г. Коген: Сб. ст. Саратов, 2004. С.30.
- ⁴ Деррида Ж. Указ. соч. С.17.
- ⁵ Флоренский П.А. Имена. М.; Харьков, 1998. С.490.
- ⁶ Там же. С.285.
- ⁷ Там же. С.284.
- ⁸ Фриуф В.А. Указ. соч. С.31.
- ⁹ Деррида Ж. Письмо и различие. СПб., 2000. С.18.

УДК 165.3

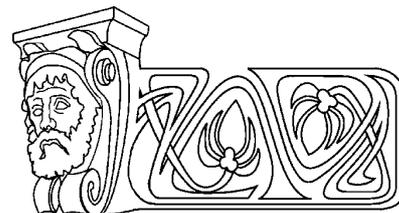
МНЕНИЕ КАК ПОЗНАВАТЕЛЬНАЯ ФОРМА: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

А.В. Нехаев

Тюменский государственный университет
E-mail: A_V_Nehaev@rambler.ru

В статье предлагаются результаты исследования, посвященного логико-эпистемологическому анализу такой особой познавательной формы, как мнение, артикулированной в виде определенной повествовательной структуры – доксоморфного дискурса.

Ключевые слова: мнение, доксоморфный дискурс, супрасегментарная функция, репрезентация, референция.

Opinion as the Cognitive Form: Statement of a Problem and Prospect of Research

A.V. Nekhaev

In article are offered results of the research devoted to logic-epistemological analysis of such special cognitive form, as the opinion, articulated as the certain narrative structure – doxamorphic discourse.

Key words: opinion, doxamorphic discourse, suprasegmentary function, representation, reference.

Когнитивная проблема – каким образом мы обретаем знания о действительности и являются ли они «истинными» и достоверными, – безусловно, всегда являлась и будет являться одной из самых фундаментальных на протяжении всей истории философии, и, несмотря на то, что методологические подходы стали более сложными и разветвленными, сама постановка вопроса, не считая нескольких редких исключений, не изменилась. При этом следует отметить, что задача философии заключается «... не в том, чтобы размышлять или говорить о мире, а скорее в том, чтобы анализировать способы размышлений и высказываний о нем»¹, и, по сути, философский анализ наших способов размышлений и высказываний о мире становится, в конце концов, общим описанием того, каким мы обязаны представлять мир при существующих способах мышления и языка, поскольку «... без языка мы вообще не можем составить никакой картины мира»².

Являясь продолжением кантовской эпистемологической традиции, стремившейся связать трансцендентальный анализ с лингвистическим³, современная философия – и в особенности аналитические течения⁴ – поставили вопрос о том, как язык прицепляется к миру и каким критериям употребления он должен отвечать, чтобы быть истинным сообщением о том, о чем он сообщает. Однако несмотря на то, что философские исследования языка, безусловно, внесли огромный вклад в историю философии, тем не менее присущее им крайне узкое понимание того, какие способы языкового употребления должны становиться предметом философского анализа, – если выразить это одним базовым принципом, то философия языка XX столетия является философией высказывания или суждения, иными словами, современная эпистемология и философия языка никогда или почти никогда не обращались к проблеме конечных осмысленных множеств высказываний, организованных в той или иной логической форме дискурса, то есть к проблемам текста или повествования, к тому, как они соотносятся с миром и каким критериям должны отвечать, чтобы быть истинными

сообщениями о том, о чем они сообщают, и это тем более удивительно, что большая часть наших способов языкового употребления по своему характеру является именно такими конечными осмысленными множествами высказываний – мнениями, артикулированными в виде текстов или повествований, тем более, что сами по себе «... возможности языка всегда находят воплощение не в чем ином, как в дискурсе – устном или письменном»⁵, – все это в целом делает необходимым и актуальным логико-эпистемологический анализ тех форм, которые принимают наши множества высказываний в процессе дискурса.

Приведенные рассуждения позволяют определить в качестве *основной цели данного исследования логико-эпистемологический анализ природы такой особой познавательной формы, как мнение*, посредством последовательно проведенной экспликации ее логической формы, а также установления тех свойств и правил доксоморфного дискурса, которые – рассмотренные в контексте проблемы отношения языка и реальности, – позволят прояснить некоторые из границ выразительной способности такой знаковой системы, как естественный язык. При этом сама процедура логико-эпистемологического анализа мнения и установление структуры его логической формы с необходимостью требуют – как условие корректной экспликации свойств логической формы мнения – элиминации из логического анализа любых онтологических допущений, что означает его ориентацию на такие особенности знаковых изображений – репрезентаций, которые определяются исключительно семантико-синтаксической структурой естественного языка. Таким образом, отказ от любых онтологических предпосылок приводит к иному пониманию свойств этой познавательной формы – мнения, трактуемых не через призму выражения законов мысли, а как способ демонстрации свойств языка и, в частности, доксоморфного дискурса. Особую роль в исследовании приобретает обоснование необходимости выбора при проведении логико-эпистемологического анализа мнения в каче-

стве основной единицы значения – осмысленного конечного множества высказываний. Соответственно, специфические свойства такого конечного осмысленного множества высказываний, как докса, позволяют показать, что на его основе могут быть введены все остальные значимые элементы доксоморфного дискурса – высказывания и доксомы, а это, в свою очередь, означает, что все вопросы о значении знаков в доксоморфном дискурсе должны предваряться вопросом о способах их использования, которые задают возможную интенцию их значения, что, как следствие, позволит обратиться к исследованию прагматики доксоморфного дискурса, то есть установлению возможных критериев для оценки разных по содержанию, но имеющих общий предмет мнений.

Принятие номиналистических допущений, согласно которым любое мнение необходимо понимать как принципиально уникальное и индивидуальное, что налагает запрет на однозначное определение набора дедуктивных правил, которые бы объясняли и регулировали процесс создания вполне конкретных мнений, тем не менее дает возможность найти и сформулировать трансцендентальные условия для мнения как особой познавательной формы и позволяет говорить о нём как о первичной системе дескрипции и референции, то есть как о системе описания мира и указания на мир.

Таким образом, мнение, или доксоморфный дискурс, следует трактовать как семиотический или синтактико-семантический процесс, реализующийся в различных видах дискурсивных практик, которые осуществляются через язык, но не сводятся к его категориям, поскольку, хотя они и располагаются в языке, их отношение к языку носит перераспределительный или деструктивно-конструктивный характер⁶. В этом случае, прежде всего, имеется в виду некоторый специфический способ или специфические условия организации языковой и познавательной деятельности, как письменной, так и устной, которые, будучи опосредованными такой особой познавательной формой, как мнение, управляют сцеплением структур значения и

обладают собственными правилами комбинации⁷. При этом взятый в топологической перспективе доксоморфный дискурс описывается некоторым конечным осмысленным множеством предложений – доксой.

Наиболее важным результатом логико-эпистемологического анализа мнения является то, что он позволяет вскрыть важнейшую функцию доксы, которая представляет помимо описания реальности, высказывания, индивидуализирующие или определяющие некую «точку зрения», или «видение как...» – способ описания реальности в целях ее интерпретации. Иными словами, докса с помощью такого логического компонента, как «точка зрения» индивидуализирует ту перспективу, в которой следует анализировать или рассматривать реальность. «Точка зрения» – это особый логический компонент, который обеспечивает единство и осмысленность доксоморфного дискурса, имеющего характер и свойства метафорического высказывания, выступающего схемой для концептуализации мира. Она указывает, какие именно высказывания необходимо отобрать для описания мира, а это, в свою очередь, означает, что «облик» или «картину» мира, предлагаемые имплицитно содержащейся в доксе «точкой зрения», не следует относить к самой реальности, так как отдавать предпочтение определенному виду высказываний о мире не значит утверждать что-то о природе реальности, иными словами, предлагаемые «точками зрения» способы описания мира никогда не включаются в строение самой реальности, а являются трансцендентальными условиями возможности описания.

По сути, докса, являясь элементом фигуративного среза языка, определяет принцип соединения элементов – высказываний, но не в целях воплощения некоего денотата, а в процессе выработки «знака-как-единичной-вещи-но-знака-многого», который не просто не существует до создания данной доксы – осмысленного множества высказываний, – но и вообще не выступает вещественно стабильным прототипом или двойником каких бы то ни было реалий⁸.

Опираясь на приведенные утверждения, нетрудно сделать заключение о том, что докса – это своего рода *fictum*, или особого рода фикция, определяемая в ранних работах Оккама в противовес *figmentum*, как фикции в полном смысле этого слова, которая, как уже отмечалось выше, и есть результат познания, сперва интуитивного, затем – абстрагированного⁹, что, как следствие, и влечет возникновение парадоксальной ситуации денотации без денотата, столь типичной для любого доксоморфного по своему характеру дискурса. Следует отметить, что некоторые более поздние сторонники номинализма, для которых особое значение приобрели отношения между языком и миром, определяют ситуацию денотации без денотата как экземпликативную функцию дискурса в оппозиции к его денотативной функции, а это, в свою очередь, означает, что номинализм позволяет любой доксоморфный по характеру дискурс трактовать как фикционистский, или вымышленный, при том, что сама по себе фикциональность относящихся к данному виду дискурса предложений основана лишь на двойственности референции, когда некоторое осмысленное конечное множество высказываний – докса, имея денотатом некоторое фиктивное «х», описывает реальное «у», то есть предполагает некоторого рода метафорические отношения между собой и своим предметом. Иными словами, когда мы делаем предмет своего исследования доксоморфный дискурс, являющийся по своей сути вымышленным дискурсом, то ни в коем случае не следует упускать из виду то, что фикциональный дискурс является на самом деле неким *patchwork*, то есть более или менее гомогенизированным сплавом, разнородные элементы – предложения или высказывания – которого в большинстве своем на деле оказываются почерпнуты из реальной действительности. *Fictum*, или вымысел, заключенный в любом мнении, есть не что иное, как фикционализованная реальность, соответственно, утверждения, составляющие любой доксоморфный дискурс, безусловно, не все в равной мере мнимы. Более того, вполне может оказаться так, что ни одно из

них не является мнимым полностью – как например, в исторических нарративах, – а это означает приоритет принципа целостности, или «неделимости», над дискурсивностью в собственном значении этого термина, то есть последовательностью, что и обеспечивает анализируемую ситуацию, когда целое оказывается более фиктивным, нежели каждая из его частей по отдельности¹⁰. Соответственно, среди наиболее значимых свойств доксы следует указать, во-первых, «логическую простоту» и, во-вторых, «логическую неделимость», согласно которым в доксе заключение логически неотделимо от нее как от целого, что делает невозможным восстановление посылок, из которых оно следует, и не позволяет редуцировать мнение либо к предложениям, либо к выраженным посредством них высказываниям, и, как следствие, доксоморфная форма аргументации принципиально отлична от номотетико-дедуктивной, являющейся логической формой научного дискурса.

Особо следует подчеркнуть, что дискурсивные связи между элементами содержания мнения не являются логическими связями или дедуктивными соединениями одного с другим, они метафоричны, то есть основаны на поэтических техниках замещения, символизации, пересмотра, интерпретации и реинтерпретации, и именно поэтому любое исследование некоторого вполне конкретного мнения, игнорирующее его доксоморфную структуру, обречено на неудачу в том смысле, что в его рамках невозможно понять, почему данный дискурс «имеет смысл» вопреки, во-первых, фактическим неточностям, которые он может содержать, и, во-вторых, логическим противоречиям, которые могут ослаблять его доказательства, а это означает, что отношения между предметом доксы – «мнимым», образованным для обеспечения единства доксоморфного дискурса, и какими бы то ни было формальными доказательствами, выдвигаемыми для объяснения его природы, состоят в комбинации логико-семантических и тропологически-фигуративных компонентов доксоморфного дискурса.

В целом следует отметить, что репрезентация в доксоморфном дискурсе рассматривается как проекция логической, т.е. семантико-синтаксической структуры, мнения, анализ которой дает основания для выявления того, что может быть выражено в знаковой системе, что приводит к изменению понимания символической нагрузки знаков и к необходимости последовательного различения сказанного и показанного, а сам предмет доксы – «мнимое», который, по сути, можно рассматривать в качестве особого места референции в доксе и который в то же время является трансцендентальным условием возможности существования нескольких разных по содержанию мнений о некотором общем для нескольких мнений предмете, поскольку в нем отсутствует какая-либо сущность или иная ингерентная структура, а это, в свою очередь, означает, что доксагенты спорят не о том, как воспроизвести или репрезентировать предмет доксы – «мнимое», а о том, какое содержание ему лучше придать. Отсюда становится понятным утверждение о том, что предмет доксы – «мнимое» – никогда не дан сам по себе, а дан только в некотором доксоморфном описании, помимо которого он вообще не существует, и является он не действительным, а лишь возможным предметом, и, следовательно, любой вопрос о его онтологическом статусе есть лишь вопрос об онтологии возможного, а это означает, что предмет доксы – «мнимое», – взятый сам по себе, есть необходимая функция доксоморфного дискурса, обеспечивающая его единство, но не представляющая никакого предмета, а только лишь его возможность. При этом любой предмет доксы – «мнимое» – обозначается в ней посредством доксом, которые являются особыми терминами или понятиями, отличными по своим свойствам от теоретических понятий, поскольку принципиально омонимичны, что создает условия для неустранимой смысловой множественности, а это, в свою очередь, является основанием отсутствия устойчивого соответствия между доксой и миром. Соответственно, доксомы, выступающие в качестве имен собственных тех или иных предметов докс – «мнимого», обо-

значают не явления или аспекты реальности, но исключительно доксоморфные интерпретации мира, то есть наши о нем мнения.

Предложенное понимание функций и специфики такой особой познавательной формы, как мнение, позволяет утверждать, что доксоморфный способ понимания мира или фрагмента реальности может быть осуществлен только при наличии множества разных мнений, поскольку это позволяет взаимно определять имплицитно содержащиеся в них «точки зрения», а это означает, что существование «со-мнения», или альтернативного мнения, не проблематично, а аподиктично. Соответственно, максимальная ясность в процессе доксоморфного дискурса может быть достигнута исключительно в условиях множественности мнений, или доксоморфных интерпретаций, но никак не посредством редукции всего их разнообразия к одному-единственному «идеальному», следовательно, наличие иной «точки зрения» является необходимым условием для установления специфического характера любой другой «точки зрения». Возникающее вследствие этого «доксогенное давление» устанавливает для доксагента лишь контекст, который принимается им во внимание при создании и выдвигании своего собственного мнения о некотором предмете, но никогда не непосредственно само содержание нового мнения, а это означает существование принципа «содержательной автономии доксы», согласно которому мнения не произвольны, но в то же самое время и не необходимы. Соответственно, любое мнение может возникнуть только путем творения, которое представляет собою такой переход от возможности к действительности, где действительное есть нечто совершенно новое по отношению к возможному. Трансцендентальными условиями творчества являются, во-первых, трансцендентальная идея свободы, или самопорождаемость, без которой оказывается невозможен переход от бесконечного к конечному, то есть переход от мира или фрагмента реальности к мнению о нем, и, во-вторых, отсутствие сущности или иной родственной ей ингерентной структуры у предмета твор-

ческого акта, поскольку любой творческий акт – это всегда есть нечто из ничего.

В числе возможных перспектив для развития данного исследования следует указать возможность более тесного привлечения аналитических средств формальной семантики и неклассических логик, а также использование результатов, достигнутых в рамках психологистских теорий суждения, в частности исследований артикулированных процессов суждения, то есть процессов суждения, которые можно адекватным образом выразить предложениями некоторого языка и которые, в свою очередь, обладают либо позитивной, либо негативной асерцией, понимаемой как момент убеждения в том, что некоторое вполне определенное предложение стоит принять или, наоборот, отбросить¹¹. Особое значение в связи с этим приобретает момент принципиального отличия процесса суждения, содержащего негативную асерцию, т.е. когда человек отбрасывает некоторое вполне определенное предложение, от процесса признания отрицания данного предложения, поскольку процедура отрицания некоторого предложения в психологистских теориях суждения является иным видом асерции, чем его признание.

Еще одним из перспективных направлений для развития данного исследования следует назвать сближение философии языка и эстетики вследствие наличия тесных параллелей между предложенным пониманием имманентно присущего мнению свойства «быть правдоподобным» и эстетикой. В этом смысле особый интерес вызывают некоторые проекты создания *эстетики языка*, которые по замыслу своих создателей призваны реализовать основную интенцию, связанную с синтетическим переходом в актуальных процедурах философского анализа от проблем *чистой лингвистики* к вопросам *чистой эстетики*. Иными словами, постулирование возможности синтеза лингвистики и эстетики явно или неявно влечет за собой сдвиг интереса от структурного исследования изо-

лированного языкового образования в сторону анализа его функционирования в пространстве наличного языкового произведения, представленного для нас как эстетический объект и связанного с переживанием нами определенного эстетического опыта¹². Следует отметить, что данная интенция вполне отвечает интересам и основным принципам доксологии, которая, аргументируя в пользу отказа от исследования языкового выражения лишь как факта языковой культуры, настаивает на *необходимости анализа самого способа существования языкового выражения в контексте творческого акта*. При этом, трактуя мнение как самообозначающий знак и рассматривая его не как множество изолированных высказываний, но как последовательно реализуемый контекст, доксология освобождает мнение от «референциального комплекса», что, в свою очередь, влечет постепенное проявление эстетической функции языка.

Примечания

¹ Данто А. Аналитическая философия истории. М., 2002. С.7.

² Юнгер Ф.Г. Язык и мышление. СПб., 2005. С.51.

³ Кант И. Прологомены ко всякой будущей метафизике, которая может появиться как наука // Кант И. Соч.: В 8 т. М., 1994. Т.4. С.62–63.

⁴ Кронгауз М. Критика языка // Логос. 1999. №3. С.133–146; Апель К.-О. Лингвистическое значение и интенциональность: Соотношение априорности языка и априорности сознания в свете трансцендентальной семиотики или лингвистической прагматики // Язык, истина, существование. Томск, 2002. С.204–224.

⁵ Женетт Ж. Вымысел и слог // Женетт Ж. Фигуры: В 2 т. М., 1998. Т.2. С.410.

⁶ Кристева Ю. Текст романа // Кристева Ю. Избр. тр.: Разрушение поэтики. М., 2004. С.400.

⁷ Греймас А.Ж., Курте Ж. Семиотика. М., 1983. С.483–493.

⁸ Франкастель П. Фигура и место: Визуальный порядок в эпоху Кватроченто. СПб., 2005. С.94.

⁹ Оккам У. Сочинения. М., 2002. С.91–101.

¹⁰ Женетт Ж. Указ. соч. С.342–451.

¹¹ Айдукевич К. Язык и смысл // Логос. 1999. №7. С.67–93.

¹² Грякалов А.А. Письмо и событие: эстетическая топография современности. СПб., 2004. С.164–172.